

JEL classification: J58, N01, P20
УДК 331(470)(09)
DOI 10.17150/2308-2488.2024.25(4).605-628

Р.Е. Романов

*Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук,
г. Новосибирск, Российская Федерация*

Эволюция концепций истории индустриального труда периода Великой Отечественной войны: идеологии и методологии (середина 1940-х — первая половина 2020-х гг.)

Аннотация. Целью исследования является выявление динамики взаимодействия идеологических и методологических концепций исторического прошлого в области изучения стимулов индустриального труда периода Великой Отечественной войны. В контексте этого исследовательского направления показана последовательная смена трех кейсов развития системы «идеология — наука»: советский марксизм — формационная теория; консервативный либерализм — концепция тоталитаризма; российский консерватизм — цивилизационный подход. До конца 1980-х гг. в рамках марксистской идеологизированной науки господствовала монистическая традиция оптимистического объяснения «победы Магнитогорска над Руром» трудовым подвигом советского народа под руководством вождя или партии. В конце 1980-х — конце 1990-х гг. в период становления и доминирования либерально ориентированной тоталитарной школы произошел переход от дуалистической (перестроечной) к дихотомической историографии с преобладанием пессимистического ревизионизма. В русле последнего подхода выигрыш советской военной индустрии перед германской объяснялся сталинской насильственной мобилизацией. В конце 1990-х — первой половине 2020-х гг. на фоне консервативного поворота на смену ревизионистскому пессимизму пришла плюралистическая историо-

графия, характеризовавшаяся реальной деидеологизацией. Экономическая победа СССР над Германией объяснялась российско-советским менталитетом (оптимизм), мобилизационной политикой сталинизма (пессимизм) или совокупным влиянием трех универсальных факторов трудовой мотивации (скептицизм). Проведенный историографический анализ позволил сделать вывод об эволюции преобладающего вектора в системе «идеология — наука» от связки исторического знания с большими идеологическими нарративами в XX в. к ее разрыву в первые два с половиной десятилетия XXI в.

Ключевые слова. Идеология, наука, концепция, стимулы индустриального труда, Великая Отечественная война.

Финансирование. Статья выполнена по теме задания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX — начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

Информация о статье. Дата поступления 28 сентября 2024 г.; дата принятия к печати 10 декабря 2024 г.; дата онлайн-размещения 16 декабря 2024 г.

R.E. Romanov

*Institute of History, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, the Russian Federation*

Evolution of Concepts of the History of Industrial Labor During the Great Patriotic War: Ideologies and Methodologies (Mid-1940s — Early 2020s)

Abstract. The purpose of the article to identify the dynamics of interactions between ideological and methodological concepts in exploring the motivations behind industrial labor during the Great Patriotic War. Within this research framework, the article traces the sequential development of three paradigms in the “ideology — science” system: Soviet Marxism and formation theory; conservative liberalism and the totalitarianism concept; and

Russian conservatism and the civilizational approach. Until the late 1980s, a monistic tradition dominated within Marxist ideological science, promoting an optimistic narrative that attributed the "victory of Magnitogorsk over the Ruhr" to the heroic labor of the Soviet people under the leadership of their party or leader. From the late 1980s to the late 1990s, during the rise and dominance of the liberal-oriented totalitarian school, historiography shifted from a dualistic (perestroika-era) to a dichotomous perspective, characterized by predominant revisionist pessimism. According to this approach, the Soviet military-industrial advantage over Germany was explained through Stalinist forced mobilization. From the late 1990s to the early 2020s, a pluralistic historiography emerged amid a conservative turn, marking a shift from revisionist pessimism to genuine de-ideologization. The economic victory of the USSR over Germany was interpreted through various lenses: the Russian-Soviet mentality (optimism), Stalinist mobilization policies (pessimism), or the combined influence of three universal labor motivation factors (skepticism). The historiographic analysis concludes that the dominant vector in the "ideology – science" system evolved from aligning historical knowledge with grand ideological narratives in the 20th century to their fragmentation during the first quarter of the 21st century.

Keywords. Ideology, science, concepts, incentives for industrial labor, the Great Patriotic War.

Funding. This article is part of the state-funded research project "Socio-Economic Potential of Eastern Regions of Russia in the 20th and Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, and Geopolitical Context" (FWZM-2024-0005).

Article info. Received September 28, 2024; accepted December 10, 2024; available online December 16, 2024.

Введение

За последние восемь десятилетий историки не раз пытались найти убедительный ответ на вопрос о том, почему Советский Союз при поддержке союзников победил государства фашистского блока. Официальный статус темы Великой Отечественной войны неод-

нократно уводил эти поиски из академической сферы в пространство взаимоотношений идеологии и исторической науки. Одним из маркеров рассматриваемого процесса выступали научные публикации, где объяснялись связи между трудом в тылу и Победой. Цель данного исследования состоит в выявлении динамики взаимодействия идеологических и методологических концепций исторического прошлого в области изучения трудовых стимулов в индустрии СССР 1941–1945 гг. Под термином «концепция» понимается комплекс научных идей или идеологема, в рамках которой та или иная объяснительная модель истории подтверждается путем ее верификации источниками. В данном контексте исследовательская гипотеза заключается в смене преобладающего вектора в системе «идеология — наука» — от установления связки исторического знания с идеологическими нарративами в XX в. к ее разрыву в первые два десятилетия XXI в.

В развитии историографии стимулов труда в военной экономике СССР можно выделить три этапа: середина 1940-х — конец 1980-х гг. — абсолютная зависимость науки от марксистско-ленинской идеологии; конец 1980-х — конец 1990-х гг. — относительная зависимость науки от консервативно-либеральной идеологии; конец 1990-х — первая половина 2020-х гг. — относительная независимость науки от идеологических влияний. Их выделение позволяет на примере конкретного исследовательского направления показать динамику сближения / расхождения идеологием и научных идей в контексте трех кейсов: советского марксизма и формационной теории; консервативного либерализма и концепции тоталитаризма; российского консерватизма и цивилизационного подхода.

Советский марксизм и формационная теория

От Манифеста Коммунистической партии к Краткому курсу истории ВКП(б) (1848–1938 гг.). Изначальной

спецификой марксизма являлась связка между наукой и идеологией. Согласно К. Марксу историческое развитие производительных сил выступало предметом научного анализа прошлого. Осознание же конфликта новых производительных сил со старыми производственными отношениями и их изменение требовало идеологического обоснования будущего [1, с. 6]. Одной из форм перехода от научного познания к наукообразной идеологии служил Манифест Коммунистической партии 1848 г. На его страницах многовековая классовая борьба становилась аргументом в пользу победы грядущей пролетарской революции [2, с. 23–37]. В данном случае научная теория подчинялась целям и задачам революционной борьбы. Цитата В.И. Ленина о том, что марксизм не догма, а руководство к действию, свидетельствовала о политизации марксистского учения [3, с. 88]. Политэкономическая деятельность класса или партии должна была изменить ход событий в его пользу путем вмешательства в исторический процесс. Эта идеологема после 1917 г. приобрела судьбоносное значение для формирования системы «идеология — наука» в сообществе советских историков.

В современной научной литературе существует точка зрения о трех этапах становления идеологизированной исторической науки в послереволюционной России и СССР. На первом (1920–1928 гг.) происходила полемика между позитивистами и марксистами. На втором этапе (1928–1931 гг.) буржуазные историки подверглись разгрому со стороны академика М.Н. Покровского и его сторонников. На третьем этапе (1931–1938 гг.) марксизм-ленинизм сложился в академической среде в качестве унифицированной методологии [4, с. 6, 33, 39]. Издание Краткого курса истории ВКП(б) утвердило единую форму политизированного знания о развитии общества, рабочего движения, пролетарской революции и строительстве

коммунизма [5, с. 243]. К концу 1930-х гг. в СССР завершилось складывание вертикально-иерархической системы «идеология — наука». Партийная элита окончательно подчинила историков идейному монизму, направленному в оптимистическое будущее.

От Краткого курса истории ВКП(б) к послевоенной монистической историографии советского тыла (1938–1956 гг.). Иерархия идеократической власти и научно-исторического сообщества в дальнейшем оказала фундаментальное влияние на формирование историографии трудового подвига рабочего класса в 1941–1945 гг. Краткий курс истории ВКП(б) заложил основы материалистической интерпретации индустриального труда [5, с. 10]. 6 ноября 1944 г. в речи И.В. Сталина о 27-й годовщине Октября прозвучал тезис об экономической победе над врагом, достигнутой благодаря социализму и советскому патриотизму. Одним из факторов патриотического подвижничества называлась общность классовых интересов трудящихся [6, с. 158–161]. Официозный нарратив сыграл роль идеологического ориентира для послевоенной публицистики, идущей в фарватере сталинских оценок актуальных событий.

Во второй половине 1940-х — середине 1950-х гг. тема трудового героизма получила распространение в книгах о военной экономике [7], подвиге советского народа [8], рабочего класса [9]. В них к стимулам труда в тыловой индустрии относились выступления и приказы И.В. Сталина, планирование, партийное руководство, повышение зарплаты, социальные гарантии, соцсоревнование. Финал сталинской эпохи вызвал переход от публицистики к профессиональной историографии. Начало этого процесса подвело черту под первым этапом рассмотрения аспектов мотивационной политики государства «грозовых сороковых», обусловленным идеологией сталинизма.

Оформление и консервация монистической историографии советского тыла (1956–1987 гг.). Старт науч-

ной аналитики в области социально-экономической истории СССР 1941–1945 гг. совпал с утверждением Н.С. Хрущевым на XX съезде КПСС тезиса о победе советского народа над фашизмом под руководством партии¹. С приходом к власти Л.И. Брежнева официальный запрос на показ героической роли граждан СССР в разгроме фашистской Германии декларировался в постановлениях ЦК КПСС о праздновании 20-летия Победы (1965 г.)² и о дальнейшем развитии общественных наук (1967 г.)³. В этих условиях историки могли заниматься лишь публикацией и введением в научный оборот идеологически выверенных источников. Внимание исследователей было сосредоточено в основном на доступных документах партийных, комсомольских и профсоюзных организаций.

В середине 1950-х — конце 1980-х гг. феномен производственной героики рассматривался в публикациях по военной экономике [10], проблемам рабочего класса [11], трудового воспитания [12]. В связи с идеологическим заказом центральным аспектом темы стимулирования персонала военной индустрии СССР стало соцсоревнование как феномен героизма тружеников тыла. В качестве дополнений к идейному мотивированию рассматривались повышение зарплаты, карточная система снабжения, стахановское питание, промтоварные премии. Кратко освещались аспекты трудовых

¹ Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0014_ent&l=ru&object=translation (дата обращения: 14.09.24).

² О праздновании 20-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. : Постановление Президиума ЦК КПСС от 30 марта 1965 г. // Непридуманные рассказы о войне. URL: <http://www.world-war.ru/o-prazdnovanii-dnya-pobedy-v-1955-i-1965-gg/>.

³ О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве : Постановление ЦК КПСС от 14 авг. 1967 г. // Вопросы истории. 1967. № 9. С. 3–11.

мобилизаций, запрет на самовольный уход с предприятий и учреждений. Вплоть до конца 1980-х гг. мониторинговая историография продолжала объяснять причинно-следственные связи между трудом и Победой социализмом, советским патриотизмом, сочетанием способов позитивного стимулирования. Такая историографическая ситуация оставалась неизменной до появления методологических подходов, нацеленных на демонтаж формационной концепции.

Консервативный либерализм и концепция тоталитаризма

От либеральной критики тоталитаризма на Западе к «Октябрю и перестройке» М.С. Горбачева в СССР (1944–1987 гг.). В середине 1940-х гг. из-под пера Ф.А. фон Хайека и К. Поппера в свет вышли книги «Дорога к рабству» и «Открытое общество и его враги». Они содержали критический анализ общественных систем Германии, Италии и СССР, получивших на Западе тоталитарную маркировку. Хайек оценивал тоталитаризм как контроль планового управления над экономикой и обществом [13, с. 103–113]. Поппер рассматривал феномен закрытого общества, возникшего вследствие реализации идей историцизма [14, с. 29–35]. В конце 1940-х гг. актуальная публицистика превратилась в орудие идеологической борьбы либерально-консервативных кругов государств блока НАТО против СССР и коммунизма. В западной гуманитарной науке сформировалась тоталитарная школа, представленная Х. Арендт, К. Фридрихом, З. Бжезинским, Р. Пайпсом. Научная теория подчинялась задачам наукообразной идеологии антикоммунизма, противопоставлявшей советский социализм и нацизм евроатлантическим демократиям. Естественное саморазвитие гражданского общества служило антитезой вмешательству в него регулятивных этакратий. Эта антитеза стала символом веры многих позднесоветских диссидентов, отвергавших засилье закостеневших партийных догм.

Перестройка в СССР обусловила эволюцию отечественной исторической науки от идейного монизма к дуализму. Катализатором этой тенденции послужил прозвучавший 2 ноября 1987 г. доклад М.С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается». В нем продолжалось воспевание советского народа, побеждавшего во имя социалистического Отечества под руководством партии. Одновременно в речи генсека прозвучала критика ориентации сталинской командно-административной системы на жесткую централизацию управления [15, с. 19]. Декларация дуалистического подхода к оценкам недавнего прошлого ознаменовала начало перехода от вертикально-иерархического к горизонтальному взаимодействию политико-идеологической и научно-исторической сфер советского социума. Постепенный отход от партийных догматов привел к добровольному принятию многими историками позиций внесистемных идеологов.

Перестроечная дуалистическая историография советского тыла (1987–1991 гг.). Нарастание кризиса официальной монистической историографии сопровождалось «дрейфом» деятелей перестройки от демократического социализма к либерализму и консерватизму. И либералы-западники, и консерваторы отрицали ленинско-сталинское революционное действие и противопоставляли ему представления о естественном ходе истории [16]. Это идеологическое противоречие создало предпосылки для проекции концепции тоталитаризма в тесно переплетенные реалии общественно-политических и академических дискуссий. В апреле 1989 г. в Институте философии АН СССР состоялась конференция с участием западных советологов, участники которой признали сталинизм специфической формой тоталитарной диктатуры [17, с. 5]. Ее критика оказала заметное влияние на изучение исторического опыта индустриального

труда СССР в период Великой Отечественной войны. В то же время качественного обновления источниковой базы научных исследований еще не произошло.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. механизмы стимулирования рабочих предвоенного и военного времени реконструировались в публикациях по истории социальной политики [18], развития идеологии [19], трудового законодательства [20], по анализу роли человеческого фактора в социально-экономическом развитии СССР [21]. В силу сосуществования формационной и тоталитарной концепций в научной литературе началось исследование истории принятия и применения законов об ужесточении заводской дисциплины и трудовой мобилизации. Отмечалось, что предвоенный крен в сторону командных методов управления после нападения Германии на СССР сменился на использование рычагов морального и материального поощрения персонала. В целом дуалистическая историография объясняла причинно-следственные связи между трудом и Победой патриотическими инициативами народа и партии, реализованными вопреки И.В. Сталину и командно-административной системе. Августовский путч 1991 г. и распад СССР вызвали крах нового исторического мышления, а также вертикальной иерархии партийных идеологов и историков. Эти переломные события способствовали окончательному переформатированию системы «идеология — наука» на горизонтальный лад.

Дихотомическая историография советского тыла: пессимистический vs оптимистический ревизионизм (1991–1999 гг.). С наступлением господства либерального западничества в общественной и академической мысли постсоветской России возобладал пессимистический ревизионизм. На этом фоне отечественные историки осуществили методологическую и архивную «революцию». Ведущее место в объяснении советской истории заняла тоталитарная школа, находившаяся в фарва-

тере неофициального политического мейнстрима. Введение в научный оборот источников критического содержания, в том числе рассекреченных документов Государственного комитета обороны (ГКО), Наркомата обороны, Наркомата юстиции, НКВД, ГУЛАГа и т.п., позволяло верифицировать сталинизм в качестве российской версии тоталитаризма. Новые социально-гуманитарные тренды кардинально изменили на закате прошлого столетия вектор развития историографии индустриального труда первой половины 1940-х гг.

В 1990-е гг. тема стимулирования персонала военной индустрии СССР освещалась в исследованиях по истории государственной мобилизационной политики [22], чрезвычайных органов власти [23], тыловой повседневности [24]. Актуальный идеологический запрос в сочетании с источниками критического содержания выдвинул на смену изучению в основном идейного побуждения рабочего класса аналитическую реконструкцию форм и методов принудительной мобилизации людских ресурсов на основе репрессивных указов Президиума Верховного Совета СССР и директив ГКО. Отмечалось, что сталинский режим проводил политику «кнута и пряника» с регулируемой системой выживаемости населения. В целом историки, работавшие в рамках тоталитарной концепции, объясняли причинно-следственные связи между трудом и Победой принятием большинством народа природы сталинизма, сочетавшего карательные и распределительные практики. Конечным итогом этих исследовательских изысканий стала переоценка государственной мотивационной политики 1941–1945 гг. в духе доминирующего пессимистического ревизионизма.

Одновременно в научно-историческом сообществе начало складываться оптимистическое ревизионистское направление. В данном случае под влияни-

ем школы «Анналов» на первый план вышел поиск уже не сугубо идеологических, а ментальных истоков народного подвига военного времени [25]. С позиции историков-менталистов взаимообусловленность труда и Победы оказалась возможной благодаря мобилизации морального духа и самосознания народа. Переосмысление феномена патриотизма в противовес его развенчанию или забвению свидетельствовало о становлении и развитии дихотомической историографии периода Великой Отечественной войны. Вместе с тем пессимистический ревизионизм продолжал господствовать вплоть до возрастания среди исследователей интереса к другим теориям, не имевшим отношения ни к вертикальному, ни к горизонтальному типу системы «идеология — наука».

Российский консерватизм и цивилизационный подход

От теории цивилизаций Н.Я. Данилевского к консервативному повороту в постсоветской России (1869–1999 гг.). Как и марксизм, цивилизационный консерватизм изначально выступал формой сочетания идеологии и науки. Впервые он получил оформление в виде концепции культурно-исторических типов российского ученого Н.Я. Данилевского в конце 1860-х гг. Теоретические взгляды автора базировались на идее существования множества цивилизаций. Каждая из них развивала один из четырех видов деятельности — религию, культуру, политику, экономику [26, с. 109, 113]. В перспективе только славяне могут продемонстрировать продуктивный синтез всех перечисленных элементов. По данной причине России в отличие от Европы не грозят политические потрясения [26, с. 566–567, 591]. Этот несбывшийся прогноз являлся следствием перехода научной аргументации в наукообразную идеологию для обоснования невозможности революции. В целом цивилизационный подход Н.Я. Данилевского был одним из нарративов русской консервативной

мысли, главным манифестом которой служила теория официальной народности.

Революция 1917 г. и победивший большевизм стали символами поражения данного варианта консерватизма на несколько десятилетий вперед. Перестройка и распад СССР способствовали его реанимации среди части отечественной интеллигенции. Благоприятные предпосылки для консервативного поворота в постсоветской России созрели к концу 1990-х гг. В это время в новом правящем классе и общественности возрос запрос на порядок и стабильность. В сложившихся условиях цивилизационные консерваторы (А.Г. Дугин, А.С. Панарин, С.Е. Кургинян) активно пропагандировали тезис об особой евразийской культурно-исторической общности под названием Россия [27, с. 18]. Забегая вперед, отметим, что в первые два десятилетия XXI в. теория цивилизаций оказалась не востребовавшей для властной и общественной элиты страны, сотрудничавшей с Западом [28]. В сфере научно-исторического знания данный подход, напротив, занял достойное место среди современных методологических концептов, не связанных с политической конъюнктурой. Эти тенденции можно охарактеризовать как признаки кризиса системы «идеология — наука» и поворота историографических дискуссий в исключительно академическое русло.

Плюралистическая историография советского тыла: оптимистический, пессимистический и скептический ревизионизм (с 1999 г.). Из-за снижения популярности либерализма в отечественной гуманитарной мысли начала третьего тысячелетия широкое распространение получил ревизионистский оптимизм. Медленный и мягкий «дрейф» государства и общественности в сторону консерватизма сопровождался спадом в интеллектуальной среде накала полемических дебатов. В данной ситуации негативные толкования советской

истории в духе тоталитарной школы уступили первенство ее конструктивному научному переосмыслению на основе обширного круга уже введенных в оборот и новых исторических источников⁴. В этих условиях исследовательские акценты сместились с принудительной мобилизации на более широкий спектр проблем создания системы трудовой мотивации работников в военной экономике СССР. Упомянутые процессы обусловили формирование новейшей историографии индустриального труда периода 1941–1945 гг., отличавшейся от предыдущих академических нарративов реальной деидеологизацией и плюрализмом научных парадигм.

С конца 1990-х гг. оптимистический ревизионизм развивался в рамках историко-психологического направления (школа «Анналов», теория С.Л. Рубенштейна). В его пределах стимулы занятости населения тыловых регионов России рассматривались при изучении истории менталитета [29], обыденного сознания [30], внеэкономических мотивационных факторов [31], первого советского поколения [32]. По мнению историков-менталистов высшее руководство СССР осуществило патриотическую мобилизацию общества за счет опоры на общечеловеческий гуманизм, национальные традиции и коммунистическую идеологию. Причинно-следственные связи между трудом и Победой объяснялись многовековой крестьянской установкой на защиту родной земли от врага, воспитанием у молодежи чувства долга перед Родиной. Эта переоценка исторического прошлого содержала элементы цивилизационного подхода, лишенного привязки к аналогичному течению в современном консерватизме.

⁴ Например, историки-менталисты ввели в научный оборот фольклорные произведения (шутки, басни, анекдоты, сказки, половицы, поговорки, загадки, песни), материалы наглядной агитации (советские плакаты) и средств массовой информации (цензура советского радио).

В рассматриваемый период наследием наукообразных идеологий XX в. оставался пессимистический ревизионизм, редуцировавший концепцию тоталитаризма. В его контексте процессы стимуляции персонала военной экономики стали предметом аналитической реконструкции в публикациях по истории чрезвычайных органов власти [33], репрессивной политики сталинизма [34]. Историки, работавшие в рамках тоталитарного концепта, исследовали механизмы использования подневольного труда спецконтингентов, замены экономических стимулов уголовными санкциями за отклоняющееся поведение на производстве. Внеэкономическое принуждение считалось ведущим способом превращения производственной деятельности рабочих и служащих в один из факторов Победы над фашистской Германией. Сделанные выводы соответствовали интерпретациям либеральной историографии 1990-х гг., критиковавшей советскую модель индустриального развития за тотальное госрегулирование.

В начале XXI в. наиболее показательным маркером освобождения истории труда от идеологических штампов являлся скептический ревизионизм. Возникновение такого феномена связано с переносом в российскую историческую науку концепции Ч. и К. Тилли о триаде мотивационных факторов (вознаграждение, побуждение, принуждение). По мнению ее последователей, накануне и в годы войны в СССР произошел поворот к принуждению [35–37]. Данное явление было представлено репрессивными и административными стимулами, дополнявшимися денежным и натуральным вознаграждением, попытками решения жилищной проблемы, огородничеством, движением, организацией отдыха, соревнованием. В целом исследователи отмечали наличие многовариативных причинно-следственных связей между мобилизационной занятостью и Победой.

Полученные результаты позволили отойти от однозначных оценок о решающей роли государственного насилия или патриотизма в достижении победоносного завершения войны.

Заключение

За последние восемьдесят лет в отечественной историографии стимулирования работников военного хозяйства 1941–1945 гг. произошла последовательная смена трех кейсов развития системы «идеология — наука», основанной на сближении и связи политических идей и академических концепций. Самый первый из них был представлен конструктом «советский марксизм — формационный подход», прошедшим путь от наукообразной коммунистической идеологии середины XIX в. к оптимистической идеологизированной науке в СССР 30-х гг. XX в. Одним из последствий диффузии идей крайне левого Запада на российскую почву стала монистическая традиция объяснения «победы Магнитогорска над Руром» трудовым подвигом советского народа под руководством вождя или партии. Крах горбачевской перестройки привел к замене марксистской формационной теории вторым конструктом — «консервативный либерализм — концепция тоталитаризма». Последний эволюционировал от наукообразной идеологии североатлантического антикоммунизма середины XX в. к одному из сегментов отечественного исторического сообщества 1990-х гг., воспринявшего ее в качестве цивилизованного мейнстрима. Итогом очередной идеологической модернизации являлся переход от дуалистической к дихотомической историографии с преобладанием ревизионистского пессимизма. Выигрыш советской военной индустрии перед германской трактовался преимущественно сталинской насильственной мобилизацией, опиравшейся на пассивное принятие этого феномена со стороны насе-

ния СССР. Лишь отдельные исследователи пытались оспорить мейстримные историографические оценки с позиции ревизионистского оптимизма. Данное явление выступало следствием диффузного переноса в российскую историческую науку теоретического наследия школы «Анналов».

Отказ от радикальной вестернизации страны вызвал у некоторых интеллектуалов в России эпохи миллениума стремление заменить либерально ориентированную тоталитарную школу третьим конструктом — «российский консерватизм — теория цивилизаций». Однако в последующие два десятилетия наукообразная идеология цивилизационного почвенничества оказалась нерелевантной ни геополитическим ориентирам элиты, ни научным интересам историков. На смену доминировавшему ревизионистскому пессимизму пришла плюралистическая историография, включавшая три вида ревизионизма. Причины экономической победы СССР над Германией объяснялись российско-советским менталитетом (оптимизм), мобилизационной политикой сталинизма (пессимизм) или совокупным влиянием трех универсальных факторов трудовой мотивации (скептицизм). В силу деидеологизации научного дискурса, появления новых теорий и исторических источников исследовательский ракурс изучения стимулов к труду первой половины 1940-х гг. качественно изменился в сторону расширения, комплексного анализа и неоднозначных оценок актуального проблемного поля. В то же время элементы идеологического присутствия ограничивались лишь границами концепции тоталитаризма, перешедшей в маргинальный статус. Это обстоятельство подтверждает ранее выдвинутую гипотезу о динамике взаимодействия идеологических и методологических концептов применительно к исследованному направлению социально-экономической истории Великой Отечественной войны. В дан-

ном случае можно с уверенностью говорить о смене преобладающего вектора в системе «идеология — наука» от связки исторического знания с большими нарративами (марксизм или либерализм) в XX в. к ее разрыву в первые два с половиной десятилетия XXI в. В целом расхождение между идеологемами и методологией в современном научно-историческом сообществе сохраняется, несмотря на выбор государства в пользу цивилизационного консерватизма. Каким будет развитие данной ситуации в перспективе, покажут ближайшие годы и десятилетия.

Список использованной литературы

1. Маркс К. К критике политической экономии / К. Маркс // Сочинения : в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Москва, 1959. — Т. 13. — С. 5–9.
2. Маркс К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва : Политиздат, 1974. — 63 с.
3. Ленин В.И. О некоторых особенностях исторического развития марксизма / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. — Москва, 1973. — Т. 20. — С. 84–89.
4. Шебалин А.И. Советская историография отечественной истории (1917 — начало 1990-х гг.) / А.И. Шебалин. — Орск : Изд-во ОГТИ, 2010. — 203 с.
5. Краткий курс истории ВКП(б) / ред. И.В. Сталин. — Москва : Госполитиздат, 1938. — 300 с.
6. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза / И.В. Сталин. — Москва : Госполитиздат, 1947. — 208 с.
7. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н.А. Вознесенский. — Москва : Госполитиздат, 1947. — 192 с.
8. Солдатенко Е.И. Трудовой подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны / Е.И. Солдатенко. — Москва : Госполитиздат, 1954. — 292 с.
9. Цветков П.М. Рабочий класс СССР / П.М. Цветков. — Москва : Молодая гвардия, 1946. — 152 с.
10. Кравченко Г.С. Военная экономика СССР. 1941–1945 гг. / Г.С. Кравченко. — Москва : Воениздат, 1963. — 398 с.
11. Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны / А.В. Митрофанова. — Москва : Наука, 1971. — 525 с.

12. Кожурин В.С. Ведущая роль рабочего класса в укреплении трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны / В.С. Кожурин // Развитие революционных и трудовых традиций рабочего класса СССР. — Москва, 1985. — С. 74–96.

13. Хайек Ф.А. Дорога к рабству / Ф.А. Хайек. — Москва : Новое издательство, 2005. — 264 с.

14. Поппер К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. — Москва : Культурная инициатива, 1992. — Т. 1. Чары Платона. — 448 с.

15. Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается / М.С. Горбачев. — Москва : Госполитиздат, 1987. — 60 с.

16. Магун А. Перестройка как консервативная революция? / А. Магуна // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2010. — № 6. — URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/perestrojka-kak-konservativnaya-revoljucziya.html>.

17. Тоталитаризм как исторический феномен / отв. ред. А.А. Кара-Мурза. — Москва : Философское общество, 1989. — 396 с.

18. Загвоздкин Г.Г. Цена Победы : социал. политика воен. лет / Г.Г. Загвоздкин. — Киров : Волго-Вят. кн. изд-во, 1990. — 262 с.

19. Савушкин Л.М. Идеология советского тыла: проблемы и противоречия. 1941–1945 гг. : (опыт деятельности парт. орг. тыловых р-нов РСФСР) / Л.М. Савушкин. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. — 191 с.

20. Хлевнюк О.В. 26 июня 1940 г.: иллюзии и реальности администрирования / О.В. Хлевнюк // Коммунист. — 1989. — № 9. — С. 87–96.

21. Исторический опыт и перестройка. Человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР / под ред. Ю.С. Борисова. — Москва : Мысль, 1989. — 302 с.

22. Кнышевский П.Н. Государственный Комитет Оборонь: методы мобилизации трудовых ресурсов / П.Н. Кнышевский // Вопросы истории. — 1994. — № 2. — С. 53–65.

23. Данилов В.Н. Война и власть: чрезвычайные органы регионов России в годы Великой Отечественной войны / В.Н. Данилов. — Саратов : Изд-во Поволж. фил. Рос. учеб. центра, 1996. — 392 с. — EDN YAUPET.

24. Шалак А.В. Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–

1945) / А.В. Шалак. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. экон. акад., 1998. — 183 с. — EDN WJVKNT.

25. Поляков Ю.А. Почему мы победили? О массовом сознании в годы войны / Ю.А. Поляков. — EDN UHJKGR // Свободная мысль. — 1994. — № 11. — С. 62-76.

26. Данилевский Н.Я. Россия и Европа : взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романогерманскому / Н.Я. Данилевский. — Москва : Институт русской цивилизации, 2008. — 812 с.

27. Шестаков С.А. Консервативная политическая идеология в постсоветской России : автореф. ... дис. д-ра полит. наук : 23.00.01 / С.А. Шестаков. — Москва, 2003. — 53 с. — EDN NHKJZR.

28. Межуев Б. Оглядываясь на «Русскую весну» / Б. Межуев. — DOI 10.31278/1810-6439-2024-22-1-8-20. — EDN STOZEC // Россия в глобальной политике. — 2024. — Т. 22, № 1. — С. 8-20.

29. Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941-1945 гг. / В.Ф. Зима. — Москва : Изд-во ИРИ РАН, 2000. — 277 с.

30. Козлов Н.Д. С волей к Победе. Пропганда и общественное сознание в годы Великой Отечественной войны / Н.Д. Козлов. — Санкт-Петербург : Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина, 2002. — 312 с. — EDN SLWYVN.

31. Сомов В.А. Потому что была война...: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны / В.А. Сомов. — Нижний Новгород : Изд-во Волго-Вятской акад. гос. службы, 2008. — 234 с.

32. Сомов В.А. Первое советское поколение: испытание войной / В.А. Сомов. — Москва : АИРО-XXI, 2015. — 175 с.

33. Данилов В.Н. Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941-1945 гг. / В.Н. Данилов — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002. — 396 с. — EDN YAUPED.

34. Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири / С. А. Папков. — Москва : РОССПЭН, 2012. — 440 с.

35. Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х — середина 1950-х гг.) / А.К. Соколов. — EDN YGDOLV // Экономическая история: Ежегодник. — 2004. — Т. 2003. — С. 74-99.

36. Прибыткова К.П. Мотивация труда в промышленности Алтайского края в 1940-е — 1980-е гг. / К.П. Прибыткова — Барнаул : АЗБУКА, 2019. — 283 с.

37. Романов Р.Е. Стимулирование труда рабочих сибирского военпрома (1941–1945 гг.): стратегии и практики / Р.Е. Романов. — DOI 10.17150/2308-2488.2023.24(3).430-452. — EDN DSYZSE // Историко-экономические исследования. — 2023. — Т. 24, № 3. — С. 430–452.

References

1. Marx K., Engels F. *Capital. A Critique of Political Economy*. Chicago, 1926. 882 p. (Russ. ed.: Marx K., Engels F. *A Critique of Political Economy. In Writings*. 2nd. ed. Moscow, 1959. Vol. 13, pp. 5–9.).
2. Marx K., Engels F. *Manifest der Kommunistischen Partei*. Leipzig 1872. 300 p. (Russ. ed.: Marx K., Engels F. *Manifesto of the Communist Party*. Moscow, Politizdat Publ., 1974. 63 p.).
3. Lenin V.I. On Certain Features of the Historical Development of Marxism. *The Complete Works*. Moscow, Moscow, 1973. Vol. 20, pp. 84–89. (In Russian).
4. Shebalin A.I. *Soviet Historiography of National History (1917 – Early 1990s)*. Orsk Institute of Humanities and Technology Publ., 2010. 203 p.
5. Stalin I.V. (ed.). *A Short Course on the History of the ACP (All-Union Communist Party) (b)*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1938. 300 p.
6. Stalin I.V. *On the Great Patriotic War of the Soviet Union*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1947. 208 p.
7. Voznesenskii N.A. *Military Economy of the USSR During the Patriotic War*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1948. 192 p.
8. Soldatenko E.I. *The Labor Feat of the Soviet People During the Great Patriotic War*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954. 292 p.
9. Tsvetkov P.M. *The Working Class of the USSR*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1946. 152 p.
10. Kravchenko G.S. *Military Economy of the USSR. 1941–1945*. Moscow, Voenizdat Publ., 1963. 398 p.
11. Mitrofanova A.V. *The Working Class of the USSR During the Great Patriotic War*. Moscow, Nauka Publ., 1971. 525 p.
12. Kozhurin V.S. The Leading Role of the Working Class in Strengthening Labor Discipline During the Great Patriotic War. *In Development of Revolutionary and Labor Traditions of the Working Class of the USSR*. Moscow, 1985, pp. 74–96. (In Russian).
13. Hayek F.A. *The Road to Serfdom*. Chicago, The University of Chicago Press, 1994. 274 p. (Russ. ed.: Hayek F.A. *The Road to Serfdom*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2005. 264 p.).
14. Popper K. *The Open Society and Its Enemies*. Vol. 1. *The Spell of Plato*. London, Routledge & K. Paul, 1966. 384 p. (Russ. ed.:

Popper K. *The Open Society and Its Enemies*. Vol. 1. *The Spell of Plato*. Moscow, Kul'turnaya initsiativa Publ., 1992. 448 p.).

15. Gorbachev M.S. *October and Perestroika: The Revolution Continues*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1987. 60 p.

16. Magun A. Perestroika as a Conservative Revolution? *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* = NZ. *Debates on Politics & Culture*, 2010, no. 6. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/perestrojka-kak-konservativnaya-revolycziya.html>. (In Russian).

17. Kara-Murza A.A. (ed.). *Totalitarianism as a Historical Phenomenon*. Moscow, Filosofskoe obshchestvo Publ., 1989. 396 p.

18. Zagvozdkin G.G. *The Price of Victory*. Kirov, Volga-Vyatka Book Publishing House Publ., 1990. 262 p.

19. Savushkin L.M. *The Ideology of the Soviet Rear: Problems and Contradictions, 1941–1945*. Voronezh State University Publ., 1990. 191 p.

20. Khlevnyuk O.V. June 26, 1940: Illusions and Realities of Administration. *Kommunist* = *Communist*, 1989, no. 9, pp. 87–96. (In Russian).

21. Borisov Yu.S. (ed.). *Historical Experience and Perestroika: The Human Factor in Social and Economic Development of the USSR*. Moscow, Mysl Publ., 1989. 302 p.

22. Knyshevskii P.N. State Defense Committee: Methods of Mobilizing Labor Resources. *Voprosy istorii* = *Issues of History*, 1994, no. 2, pp. 53–65. (In Russian).

23. Danilov V.N. *War and Power: Emergency Authorities of Russian Regions During the Great Patriotic War*. Saratov, Volga Region branch of the Russian Training Center Publ., 1996. 392 p. EDN: YAUPET.

24. Shalak A.V. *Living Conditions and Way of Life of the Population of Eastern Siberia During the Great Patriotic War (1941–1945)*. Irkutsk State Economics Academy Publ., 1998. 183 p. EDN: WJVKNT.

25. Polyakov Yu.A. Why Did We Win? On Mass Consciousness During the War. *Svobodnaya mysl* = *Free Thought*, 1994, no. 11, pp. 62–76. (In Russian). EDN: UHJKGR.

26. Danilevskii N.Ya. *Russia and Europe*. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2008. 812 p.

27. Shestakov S.A. *Conservative Political Ideology in Post-Soviet Russia*. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2003. 53 p. EDN: NHKJZP.

28. Mezhuiev B.V. Looking Back at the “Russian Spring”. *Rossiia v global'noi politike* = *Russia in Global Affairs*, 2024, vol. 22, no. 1, pp. 8–20. (In Russian). EDN: STOZEC. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-1-8-20.

29. Zima V.F. *The Mentality of Russia's Nations During the War of 1941–1945*. Moscow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2000. 277 p.

30. Kozlov N.D. *With the Will to Victory. Propaganda and Everyday Consciousness During the Great Patriotic War*. Saint Petersburg, Pushkin Leningrad State University Publ., 2002. 312 p.

31. Somov V. A. *Because There Was a War...: Non-Economic Factors of Labor Motivation During the Great Patriotic War (1941–1945)*. Nizhny Novgorod, Volga-Vyatka Academy of Public Service Publ., 2008. 234 p.

32. Somov V.A. *First Soviet Generation: Experiment by War*. Moskva, AIRO-XXI Publ., 2015. 175 p.

33. Danilov V.N. *The Soviet State During the Great Patriotic War: The Phenomenon of Emergency Authorities, 1941–1945*. Saratov State University Publ., 2002. 396 p. EDN: YAUPED.

34. Papkov S.A. *Ordinary Terror. The Politics of Stalinism in Siberia*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 440 p.

35. Sokolov A.K. Labor Coercion in Soviet Industry and Its Crisis: The End of the 1930s to the Mid 1950s. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik*. = *Economic History: A Yearbook*, 2004, vol. 2003, pp. 74–99. EDN: YGDOLV.

36. Pribytkova K.P. *Labor Motivation in the Industry of the Altai Territory in the 1940s – 1980s*. Barnaul, Azbuka Publ., 2019. 363 p.

37. Romanov R.E. Stimulating the Labor of Workers in the Siberian Military Industry (1941–1945): Strategies and Practices. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History and History of Economics*, 2023, vol. 24, no. 3, pp. 430–452. (In Russian). EDN: DSYZSE. DOI: 10.17150/2308-2488.2023.24(3).430-452.

Информация об авторе

Романов Роман Евгеньевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: rromanov1981@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0001-9527-8037>; SPIN-код: 3925-6262; AuthorID РИНЦ: 616919.

Author

Roman E. Romanov — Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, the Russian Federation; e-mail:

rromanov1981@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0001-9527-8037>; SPIN-Code: 3925-6262; AuthorID RSCI: 616919.

Для цитирования

Романов Р.Е. Эволюция концепций истории индустриального труда периода Великой Отечественной войны: идеологии и методологии (середина 1940-х — первая половина 2020-х гг.) / Р.Е. Романов. — DOI 10.17150/2308-2488.2024.25(4).605-628. — EDN RGEZVW // Историко-экономические исследования. — 2024. — Т. 25, № 4. — С. 605–628.

For Citation

Romanov R.E. Evolution of Concepts of the History of Industrial Labor During the Great Patriotic War: Ideologies and Methodologies (Mid-1940s — Early 2020s). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2024, vol. 25, no. 4, pp. 605–628. (In Russian). EDN: RGEZVW. DOI: 10.17150/2308-2488.2024.25(4).605-628.